

Невеста из ниоткуда

ELVY

ELVY

Невеста из ниоткуда

«Автор»

2026

ELVY

Невеста из ниоткуда / ELVY — «Автор», 2026

Архимаг Люстер Фейр жил как-то себе в старом замке, спокойно варил черные зелья и вообще был королевству не интересен, пока король не решил, что ему нужна жена. Потому что воплощение магического зла не должно быть одиноким — это как-то неправильно звучит в королевской прессе. Невеста была готова: благородная, воспитанная, абсолютно ненавидящая его. Но в день X произошло что-то странное — она испарилась, а ее место заняла я. Люстер не просил супружескую катастрофу. Я не просила вообще никого и ничего! Главное — не выделяться, делать вид, что я знаю, что такое магические письма и почему здесь нет интернета, и не задавать слишком много вопросов о том, почему я блондинка и почему память как-то странно прыгает. Но когда любовник решает, что может просто так взять и разрушить мой брак, я понимаю: в этом мире не будет никакого «давай мирно разойдемся». Я тебе разойдусь!

© ELVY, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ELVY

Невеста из ниоткуда

Глава 1

Что-то было не так.

Это было первое, что пришло мне в голову, когда я начала просыпаться так, как обычно просыпаешься в понедельник утром, когда хочется задушить будильник и спать еще лет двадцать. Сначала идет осознание, потом сожаление, потом примирение с неизбежностью нового дня. Но вот именно с этого момента все пошло не по плану.

Первым делом проникло осознание мягкости. Не обычная мягкость моего потертого дивана-кровати в квартире на улице Чапаева в Саратове, где я арендовала комнату вместе с соседкой Машкой и ее котом, который, казалось, родился с целью сделать мою жизнь невыносимой. Облако, наверное, было бы менее мягким. Подушка под головой ощущалась как пуховое воплощение всех несбывшихся мечт об удобстве, а простыни пахли лавандой и чем-то дорогим, что стоило бы целый месяц моей зарплаты.

Я осторожно открыла глаза. Взору предстал расписной потолок с настоящими фресками, а не с тем кусочком плесени в углу, который я уже давно перестала замечать в своей берлоге. На нем танцевали какие-то персонажи в странных одеждах: женщины в корсетах, мужчины с мечами, люди в странных шапках, которые точно стоили больше моей машины, если бы я владела машиной. Все переплеталось в какую-то сложную сцену, которую я явно не имела времени рассматривать, потому что...

— Госпожа! Госпожа, наконец-то вы проснулись!

Я вздрогнула и чуть не совершила акробатический номер прямо с облачного монстра под названием кровать. Ложе было, кстати, размером с маленькую квартиру. В нем спокойно поместились бы офис, две книжные полки и, возможно, небольшой диванчик для сбившихся в кучу от тоски гостей.

Передо мной материализовалась девушка. Молоденькая, не больше семнадцати, с веснушками, разбросанными по лицу как звезды на небосводе, и ярко-рыжими волосами, заплетенными в косы. Одета она была в платье, похожее на то, что я видела только в историческом фильме, который мне когда-то насильно показывала мама, пока я мечтала о чипсах. Черное, с белым фартучком — служанка прямиком из викторианского романа, который, должна признать, я так и не осилила. И она щебетала. Буквально щебетала, как стая взбесившихся воробьев на кормушке.

— Какой прекрасный день! Солнышко уже высоко, роса давно высохла, в саду распустились абсолютно все магнолии! Вы спали целых два дня, госпожа! Две ночи и два дня подряд! Я уже думала, что вас навеки сон забрал, но хвала богам, вы проснулись! — девушка хлопала в ладоши, как будто я только что совершила подвиг, а не просто открыла глаза. — Господин велел передать, что...

Господин?

Я закрыла глаза и сосчитала до десяти. Может быть, это был сон? Очень детальный, очень... ароматный сон. Нет, сны не пахнут лавандой так реалистично. Или пахнут?

— Госпожа? Вам нехорошо? — служанка нависла над кроватью. — Может, позвать врача? Или это следствие магического переноса? Говорят, на голову садится странность...

Я медленно открыла глаза. Девушка смотрела на меня с такой искренней озабоченностью, что стало неловко.

— Нет, я... — Голос мой звучал странно. Выше, чем обычно, и с какой-то странной интонацией. — Я в порядке. Просто... где я?

Служанка нахмурилась. Ее веснушки сильнее выделились на лице.

— Госпожа, вас бес попутал? Вы в Башне Люстера, в вашей спальне. Где же еще вы могли быть?

Где еще я могла быть? Например, дома на потертom диване-кровати, где кот мог прийти в три часа ночи и встать на мою грудь. Но это не была моя спальня. Это была спальня принцессы из фильма про Золушку!

Я медленно подняла руку. Мои пальцы не совсем мои. Ухоженные, с бледностью, словно целый год провела в подземелье, а еще с длинными ногтями, окрашенными в нежный перламутр. Я смотрела на свою руку как на улику на месте преступления.

— Госпожа? Госпожа, это вас пугает? — служанка драматично прижала ладонь к груди. — Это магический маникюр, его каждый месяц обновляют! Лекарь Мирта говорит, что нужно поддерживать сияние кожи при магических нагрузках, иначе...

— Хорошо, хорошо, — перебила я, поднимая вторую руку перед лицом. Обе руки были одинаково ухожены, одинаково не мои. — Расскажи мне о... обо всем. И, пожалуйста, медленно, потому что... потому что я чувствую себя не совсем хорошо.

Отличная стратегия! Если буду выглядеть больной, может быть странные вопросы не вызовут подозрений. Служанка кивнула.

— Госпожа, как вы забыли? Вы — госпожа Алиса Фейр, вышли замуж за архимага Люстера Фейра три месяца назад. Свадьба была в соборе, король и королева лично присутствовали, все было очень... — Она замолчала, подыскивая слово. — ...красиво. Но честно, свадьба была странной. Вы плакали, жених выглядел так, будто хотел развеять город магией, но не смел при королеве...

Я перестала слушать примерно на словах «архимага Люстера Фейра». Осторожно потянула простынь вверх и посмотрела на свое тело. Длинное платье из светлого шелка, почти прозрачного и украшенного вышивкой, которая даже светилась. На левой руке красовалось тонкое кольцо с черным камнем, из которого буквально исходило холодное сияние.

Я была замужем за волшебником, имя которого мне не было известно, в мире, где я никогда не была, в теле, которое было точно не моим! Паника? Сейчас не время для паники. Поплачу потом.

— Эй, как тебя зовут? — спросила я, усилием воли заставив себя говорить спокойно.

— Йона, госпожа.

— Йона, спасибо за информацию. Мне нужно встать и... надо покушать. Я проголодалась. Желудок издал звук, похожий на рычание животного. Может, еда поможет мне разобратся в ситуации или даст время подумать, прежде чем я начну кричать.

Йона просияла.

— О, замечательно! На завтрак приготовили ваши любимые овощи и фрукты! И свежий йогурт с медом! И печенье с корицей! Слезник, повар, готовил специально...

— Овощи? На завтрак? — я не смогла удержать возмущения. — Кто в здравом уме ест овощи на завтрак?

Йона посмотрела на меня, будто я заявила, что Земля плоская, и при этом упала с балкона.

— Госпожа, вы всегда едите овощи на завтрак. Вы говорите, что красота питается свежестью и жизнью растений, а не трупами животных...

Обладательница тела ела только овощи? В мире магии, драконов и волшебства она ела... капусту?

Я выбралась из мягкого облака, пошатываясь как пьяная, потому что ноги не слушались, и попыталась выглядеть достойно, хотя мозг вопил в полный голос. Первым делом посмотрела

в окно. Я находилась в старой, каменной башне с видом на... на все! На лес, на горы вдали, на город с домами, напоминающими о временах, когда люди еще носили корсеты и верили в магию. Или верили в магию и поэтому носили корсеты. Не знаю, какой там порядок причин и следствий в этом мире.

— Госпожа, это нехорошо для вашего здоровья! — Йона оттащила меня от окна. — Вам нельзя стоять на холодном полу в ночном платье!

Пол, который похож на мрамор, действительно был холодным. Служанка, надо отдать ей должное, оказалась девушкой дела. Не успела я даже как следует сформулировать мысль о том, что неплохо бы во что-то одеться, как она уже порхала по комнате, будто личная служанка жены архимага — это призвание, а не профессия.

— Конец весеннего сезона, госпожа, — сообщила она. — По утрам еще свежо, а вы и без того проспали два дня, так что лучше что-нибудь потеплее. Не то лекарь Мирта с меня голову снимет, если вы простудитесь!

С этими словами девчушка решительно распахнула гардероб, из которого пахнуло лавандовым и совершенно не моим. Платьев там было столько, что у меня слегка закружилась голова. Или это было последствие магического переноса? Черт его знает.

Йона, нимало не смущаясь моим остолбенелым видом, деловито перебирала вешалки и бормотала себе под нос что-то про «цвет лица», «сезонный крой» и «не дай боги, опять синее, оно вам совершенно не идет». В итоге из недр гардероба было извлечено платье цвета глубокого зеленого, с длинными рукавами и высоким воротом, отделанным тонким серебряным шитьем. Выглядело оно так, будто его шил человек, который питал к красоте почти религиозное уважение. Я же питала к нему смешанные чувства, потому что платье явно не предполагало никаких карманов. Разумеется, зачем карманы, когда у тебя есть архимаг-муж и куча нерешенных экзистенциальных вопросов?

Одевание превратилось в целую церемонию, потому что платье застегивалось сзади на бесконечную вереницу крошечных пуговиц, и пока Йона с ловкостью профессионального иллюзиониста справлялась с каждой из них, я стояла столбом и думала, что в прошлой жизни одевалась секунд за тридцать. Максимум за минуту, если в спешке теряла один носок.

— Теперь волосы, госпожа, — скомандовала Йона, усадив меня перед туалетным столиком с таким количеством флаконов, баночек и щеточек, что впору было открывать косметический магазин.

Руки у нее были умелые — это нужно признать. Она расчесала длинные волосы, а потом заплела их в сложную конструкцию, которую я бы лично никогда не смогла воспроизвести даже при наличии трех дополнительных рук и обучающего видео. Несколько прядей она оставила свободными, обрамляя лицо, и закрепила небольшими шпильками с крошечными серебряными звездочками на концах.

— Вот, — удовлетворенно сказала она. — Теперь туфли.

Обувь оказалась бархатной, того же зеленого оттенка, что и платье, с небольшим устойчивым каблуком. Это был, пожалуй, первый момент с момента пробуждения, который вызвал у меня что-то похожее на симпатию к предыдущей хозяйке тела. Не балетки на картонной подошве, не шпильки-убийцы, а нормальная обувь, в которой можно ходить, не рискуя сломать ногу на первом же витке лестницы.

— Замечательно, — подвела итог Йона, сложив руки перед собой с видом полководца после успешной кампании. — Сейчас распоряжусь, чтобы принесли сюда завтрак.

Я изогнула бровь.

— Зачем сюда? Давай спустимся вниз на свежий воздух.

Служанка, мягко говоря, обалдела.

— Госпожа... — Начала она осторожно, как обычно разговаривают с людьми, у которых незадолго до этого что-то случилось с головой. — Вас точно бес не попутал? После двух дней сна? Потому что вы никогда...

— Йона, я тебя сама сейчас попутая, — любезно пообещала я. — Тащи еду в беседку. Нормальную еду, слышишь? Нормальную!

Последнее слово я выделила голосом особо, вложив в него все свои чаяния о том, что «нормальная еда» и «нарезанные овощи на деревянной дощечке» — это не синонимы. Йона захлопала глазами, потом что-то решила для себя, энергично кивнула и быстро шмыгнула за дверь, успев на прощание пообещать, что все сделает немедленно. Дверь закрылась с мягким щелчком, и я осталась одна.

Несколько секунд я просто стояла посреди роскошной спальни, слушая тишину — плотную тишину без гула машин за окном, без соседского телевизора сквозь стену, без кота Машки, который обычно в это время что-то ронял на кухне. Потом медленно села на край кровати, сцепила руки на коленях и попыталась собрать мысли в подобие логической конструкции.

Итак. Вчера вечером — или, судя по всему, два дня назад — я засыпала в Саратове в обнимку с телефоном, на котором недосмотрела сериал. А проснулась здесь в теле некой Алисы Фейр, урожденной неизвестно кого, замужней за архимагом с говорящим именем Люстер, в башне, которая по размерам и убранству превосходила все, что я когда-либо видела за пределами музеев и исторических драм.

Подниматься не хотелось. Кровать, гадина, была слишком мягкой и как будто намеренно цеплялась за здравый смысл. Но любопытство в конечном счете пересилило. Я встала, подошла к большому зеркалу в резной раме и посмотрела на себя внимательно, впервые по-настоящему. На меня смотрела девушка, которой я не была. Светлые волосы, сложно заплетенные Йонинскими умелыми руками, с серебряными звездочками в прядях. Лицо правильное, с тонкими чертами и той холодноватой красотой, которая обычно бывает у героинь в романах, написанных людьми, никогда не видевшими реальных женщин. Кожа бледная, почти фарфоровая, с легкой синевой под глазами — то ли от долгого сна, то ли от хронического пребывания в помещении. Глаза серые, светлые, с каким-то странным выражением растерянности, которое было уже явно моим, а не Алисиным. Рост приличный, фигура аккуратная, и зеленое платье сидело так, будто было сшито именно на нее, что, впрочем, вероятно так и было. В общем, красивая. Объективно красивая. Даже раздражает немного.

Я вздохнула и отошла от зеркала. Значит, что мы имеем? Судя по эмоциональному диапазону Йоны и тому, как она рассказывала о свадьбе, настоящая хозяйка тела питалась как кролик с идеями о ЗОЖ, не покидала спальню без крайней необходимости, плакала на собственной свадьбе и, по всей видимости, была не в восторге от замужества. Муж, со своей стороны, тоже восторга не испытывал — человек, желающий магией развеять город при первом удобном случае, явно не является образцом супружеской радости. Совместный портрет вырисовывался живописный: она несчастная, он мрачный, башня каменная, брак по принуждению, и никто никому не рад. Меня это не очень волновало. В чужих проблемах разбираться буду по мере поступления.

Я снова подошла к окну. Вид отсюда открывался такой, что у любого нормального человека должно было перехватить дыхание. И у меня перехватило, несмотря на всю сумятицу в голове. Лес внизу зеленел свежей весенней зеленью, с проседью серебристых берез и темными пятнами елей, и уходил вдаль, где начинались предгорья. Горы на горизонте были не грозными и не мрачными, а скорее торжественными, как декорация к очень хорошему фильму. Вдоль подножия башни вилась спокойная речка с такой прозрачностью воды, которая в Саратове не снилась никому и ни при каких обстоятельствах. Вдали угадывались черепичные крыши каких-то домиков, рыжие и охряные, утопающие в садах.

Смотрела я на все это и думала, что настоящая Алиса была, по всей видимости, круглой душой. Как можно сидеть взаперти в башне и пытаться страданиями, когда за окном вот это все? Когда лес, горы, речка, рыжие крыши и синева такая, что глаза сами начинают улыбаться? Она, очевидно, просто не видела слякотного саратовского ноября, когда небо становится цвета несвежей ваты, под ногами хлюпает что-то неопределенное, а солнце уходит в отпуск где-то в конце октября и возвращается только по весне. Вот тогда бы она по-настоящему оценила горы и речку. Тогда бы и из кровати выползла, я уверена. А уж из башни — тем более.

Топот на лестнице появился раньше, чем я успела придумать хоть какой-то план на ближайший час. Дверь распахнулась с энергичностью, и на пороге возникла Йона с выражением лица, будто уже спустилась вниз, поднялась обратно и готова повторить весь подвиг столько раз, сколько потребуется.

— Госпожа, а вы чего не спускаетесь? Там все готово: еда стынет, в беседке такой воздух замечательный, а вы стоите и смотрите в окно как... — Она запнулась, подбирая сравнение, — ...как будто впервые его видите.

Я открыла рот, потом закрыла. Вот в этом и была проблема, о которой я не подумала: как спускаться, если понятия не имею, куда именно спускаться? Башня снаружи выглядела монументально. Внутри, судя по всему, имела несколько этажей с разветвленной сетью коридоров, и единственное, что я знала точно — внизу есть беседка и туда ведет какая-то лестница. Самостоятельные исследования в этом направлении грозили обернуться тем, что меня обнаружат через три часа заплутавшей между кладовой и библиотекой архимага с видом совершенно невменяемым.

— Задумалась, — сказала с максимально достоверным видом.

Йона, судя по лицу, в это не очень поверила, но спорить не стала.

— Тогда пойдемте, госпожа. Я провожу.

Лестница оказалась именно такой, какой и должна быть лестница в башне уважающего себя архимага — то есть бесконечной. Каменные ступени уходили вниз широкими пролетами, вдоль стен горели светильники с холодным синеватым огнем, который явно не имел ничего общего с обыкновенными свечами, а каждый поворот открывал то массивную дверь с кованой ручкой, то гобелен с батальной сценой, то узкое окно-бойницу, в которое врвался свежий весенний воздух. Я шла за Йоной, старательно изображая, что хожу здесь каждый день и мне совершенно не интересно, что находится за каждой из закрытых дверей, хотя на самом деле любопытство грызло меня с настойчивостью голодного бобра.

— Скажи мне, — произнесла я как бы между делом, пока мы огибали очередной пролет, — а почему вообще я живу в башне? Это такая традиция?

Йона чуть замедлила шаг и оглянулась на меня с выражением тактичного удивления.

— Госпожа, так вы же сами попросили. После свадьбы. Помните? Вы сказали, что желаете переселиться подальше от господина, и вам выделили северную башню.

Я переварила информацию, не меняя выражения лица. Значит, настоящая Алиса не просто плакала на свадьбе и ела капусту, а она еще и активно эвакуировалась от собственного мужа на расстояние нескольких этажей и отдельного архитектурного сооружения. Это уже не просто супружеская холодность, это была целая логистическая операция по максимальному отдалению! И судя по тому, что башня носила имя господина Люстера Фейра, а не какого-нибудь безобидного флигеля, просто так эту башню в его честь не называли. Башню называют в честь того, кто либо ее построил, либо совершил в ней что-то настолько значительное, что потомки сочли нужным увековечить. Слабаки и скучные люди в архитектурные памятники не попадают. Видимо, муженек попался не из простых.

Беседка обнаружилась сразу за боковой дверью замка и оказалась именно тем, что я и предполагала увидеть, когда произносила это слово с таким уверенным видом, будто точно знала о ее существовании. Светлая, увитая молодой листвой и остатками весеннего плюща, с

видом на речку и на тот самый лес, который я разглядывала из окна. Разве что теперь он был не за стеклом, а рядом, пахнувший смолой и влажной землей.

Стол накрыли на одну персону, и на нем стояла нормальная еда: горячая, с запахом, от которого немедленно заурчало в желудке — свежий хлеб, что-то мясное в глубокой тарелке с соусом, вазочка с медом, сыр, фрукты как гарнир, а не как основное блюдо, и маленький кувшин с чем-то, пахнущим яблоками и корицей.

Я с нескрываемым удовлетворением обозрела это великолепие, опустила на плетеный стул и жестом предложила Йоне садиться напротив.

— Составь компанию, — сказала вполне искренне.

Йона замахала руками с таким видом, будто я предложила ей что-то совершенно неприличное.

— Что вы, госпожа, мне нельзя за один стол с...

— Ну и ладно, — быстро сдалась я и придвинула к себе тарелку.

Первая ложка горячего супа прокатилась по пищеводу как маленькое чудо, и я на секунду просто закрыла глаза от удовольствия. Можно было, конечно, продолжать переживать экзистенциальный кризис и задаваться вопросами о природе магического переноса, параллельных мирах и своей дальнейшей судьбе, но на голодный желудок все материи как-то теряли остроту. Философия, как известно, прекрасно работает после обеда.

Пока рука сама тянулась к хлебу, голова между тем занималась своим — то есть честно и последовательно пыталась сформулировать, что вообще дальше делать. Вернуться домой? Несомненно, идея была бы первой в списке приоритетов, если бы не одно существенное «но»: пока неизвестно как, а значит — когда неизвестно тоже. Можно, конечно, сидеть и страдать в ожидании обратного переноса, изображая настоящую Алису, питаюсь растительной тоской и не выходя из башни, но это, извините, было бы верхом расточительности. Потому что у меня тут, по всем признакам, имелось следующее: муж-архимаг, небедный и явно не безликий, раз башня носит его имя; служанка с золотыми руками и неиссякаемым оптимизмом; вид на горы, который не переплюнет ни одна заставка на рабочий стол; горячая еда в фарфоре с золотой каемкой; и, что немаловажно — никакого Машкиного кота, который вечно воровал мои носки. Устраиваться в такой ситуации с видом мученицы было бы просто неуважением к обстоятельствам!

Для начала надо бы выбраться из башни Рапунцель в более населенное место. Одно дело — жить в замке мужа-архимага в атмосфере, располагающей к размышлениям о вечном. Совсем другое — быть заключенной в отдельно стоящей башне, как литературный персонаж, которого забыли выпустить в сюжет. Башня, при всей ее живописности, как место постоянного проживания меня не устраивала категорически. Вот и поговорим с мужем мирно, вежливо, без истерик — то есть совершенно иначе, чем это делала настоящая Алиса.

— Йона, — произнесла я, промокнув губы салфеткой, — ты не договорила: что там господин просил передать?

Йона, стоявшая чуть в стороне с руками, сложенными перед собой в позе образцовой служанки, немедленно оживилась. Даже слегка порозовела.

— Ах, да! Господин велел передать, что если вы снова намереваетесь спать несколько дней кряду, то будьте так любезны — предупреждайте заблаговременно. Чтобы слуги не тратили зря продукты, отбирая их у животных.

Я медленно опустила вилку. Взяла кувшин, налила себе яблочного чего-то, отпила. Пауза была выдержана с достоинством, которое оценил бы даже сам архимаг.

У животных, значит. Намек был прозрачен как горная речка: предыдущая Алиса питалась растительностью, которую, по мнению ее мужа, можно было с таким же успехом скормить скоту. Ирония в послании была дозирована точно, без излишеств. Человек с чувством юмора, пусть и мрачноватым. Это уже интереснее, чем просто мрачный архимаг из готического

романа. Вслух же я ничего не сказала. Мудрость — она в том, чтобы знать, когда промолчать, а когда ответить. Сейчас явно было время первого.

Зато в голове уже крутился другой насущный вопрос и, по правде говоря, довольно неловкий с учетом ситуации. Алиса и муж после свадьбы виделись, со слов Йоны, пару раз от силы. Значит, в голове у меня имелись о нем сведения примерно никакие. И как прикажете разговаривать с человеком, которого ты видела в лучшем случае мельком?

— Йона, — сказала я, стараясь придать голосу оттенок светской непринужденности, — а каков он, господин? Ну, как выглядит хотя бы?

Йона не смутилась ни капли. Скорее всего она прекрасно понимала, что молодые супруги после трех месяцев проживания по разные стороны башни могли обладать весьма ограниченными сведениями друг о друге. Вместо этого лицо ее приобрело выражение человека, которому наконец-то задали правильный вопрос, и она начала говорить с такой вдохновенностью, что я невольно отложила вилку и стала слушать.

— Господин Фейр высок. Выше большинства мужчин в замке! Волосы темные, всегда аккуратно убраны назад, хотя несколько прядей имеют привычку выбиваться. Глаза... — И вот здесь Йона сделала чувственную паузу. — Глаза у него были светлые... Не злые! Просто господин смотрит, как будто видит то, чего остальные не видят. Черты лица правильные, резкие, нос с небольшой горбинкой. И улыбается крайне редко, но когда улыбается... — Служанка тут зарумянилась окончательно. — ...то это производит впечатление, да...

Одевается, как выяснилось из последующего рассказа, строго, всегда в темном, никакой лишней пышности, никаких украшений кроме нескольких колец с магическими камнями. Но все равно при такой строгости выглядит так, что придворные дамы при его появлении непременно находят причину оказаться поблизости. Голос низкий, говорит немного, но когда говорит, то люди слушают. А магию он не демонстрирует попусту, но когда все же применяет, то окружающие потом долго вспоминают, потому что это производит впечатление.

Я слушала, методично допивая яблочный напиток, и с каждой минутой рассказа во мне нарастало нечто, что в другое время и в других обстоятельствах я бы охарактеризовала как недоумение. Философское, разумеется. Итак: богатый — раз есть замок и отдельная башня. Красивый — раз Йона рассказывает о нем таким голосом, каким обычно рассказывают о людях, на которых приятно смотреть. Умный и явно непростой — раз архимаг. И при этом настоящая Алиса рыдала на свадьбе, попросила переселить ее на максимально возможное расстояние и три месяца питалась в добровольном заточении одуванчиками. Ну и зачем, хочется спросить?

Я посмотрела на горы, на речку, на крыши вдали, на изумительное небо без единого намека на саратовскую ноябрьскую тоску и решила, что круглых дур в этом мире, по всей видимости, не меньше, чем в том, откуда я пришла. Просто здесь они носят шелковые платья и имеют возможность рыдать в отдельной башне с видом на горы, что, по крайней мере, обеспечивает страданиям достойный антураж.

Яблочный напиток оказался неожиданно хорош: чуть терпкий, с корицей, совершенно не похожий ни на один сок из пакета, который я когда-либо пила в прошлой жизни. Я методично допивала второй бокал, наблюдала за тем, как по речке плывет какой-то лист, и думала, что в принципе могла бы устроиться в этом мире вполне сносно, если бы не полное отсутствие каких-либо вводных данных. Сидеть за красивым столом в красивом платье с красивым видом — это, конечно, приятно, но несколько затруднительно, когда ты не знаешь ни имен, ни лиц, ни истории, ни того, кто здесь кому и чем обязан. Надо провести планомерную, ненавязчивую разведку под видом светской беседы. Благо Йона производила впечатление человека, которому не требуется особых усилий, чтобы разговориться.

— Скажи мне, Йона, — произнесла как бы между прочим, отламывая кусочек сыра, — а давно ты служишь господину?

Девушка посмотрела на меня так, как смотрит учитель на ученика, который во второй раз написал в диктанте одну и ту же орфографическую ошибку: с терпением, которое явно давалось ей с некоторым усилием.

— Госпожа, так я же с вами приехала! Из поместья Дарроков, — сказала служанка с расстановкой, точно объясняла что-то очевидное. — Я служу вам уже четыре года! Как только мне исполнилось тринадцать и меня взяли в дом.

Я повторила про себя название поместья с видом, что оно мне совершенно знакомо, и только потом до меня дошло. Разумеется, Дарроки! Это, наверное, семья Алисы, из которой она прибыла сюда со своим чемоданом, служанкой и, судя по всему, категорическим нежеланием быть здесь.

— А, точно, — произнесла я с небрежным видом, каким обычно говорят «ах да, совсем из головы вылетело» вместо честного «понятия не имею, о чем ты вообще». — Запомню что-то.

Йона открыла рот, закрыла, потом все-таки решила, что промолчать будет тактичнее.

— Это от долгого сна, наверное, — великодушно констатировала она. — Лекарь Мирта говорит, что при магическом переносе...

— Расскажи мне о семье, — перебила я с нарочитой ленцой в голосе. — Просто... как они там?

И вот тут Йона ожила. Должно быть, разговоры о поместье Дарроков занимали в ее сердце особое место, потому что лицо ее немедленно приобрело то теплое, чуть ностальгическое выражение, с которым люди вспоминают дом, когда находятся далеко от него.

Отец Алисы — лорд Эдриан Даррок — оказался человеком влиятельным, занимавшим при королевском дворе должность советника по торговым делам, что в пересчете на понятные мне категории означало примерно «человек при деньгах и связях, который знает, кому и сколько надо заплатить, чтобы что-то сдвинулось с места». Поместье у семьи было большое, земли обширные, в столице имелся собственный особняк. Матушка — леди Виолетта Даррок — по описанию Йоны была женщиной красивой, строгой и обладавшей сортом практичности, при котором красота существует не сама по себе, а непременно в связке с пользой. Она занималась хозяйством с такой же методичностью, с какой военачальники занимаются стратегическими картами, и поместье под ее управлением работало как часовой механизм. Сестры — их обнаружилось целых две — были младше. Одна на три года, другая на пять. Обе, по словам Йоны, живые, общительные и совершенно не похожие на Алису в том смысле, что они, кажется, вполне себе радовались жизни.

— Госпожа Леана уже выезжает в свет, — сообщила служанка интонацией, которая в любом веке и в любом мире означает одно: скоро замуж. — А госпожа Тея еще учится музыке, но говорят, пальцы у нее удивительные.

Я слушала и рисовала себе картину: состоятельная семья, работающая, не бедствующая, с положением при дворе и перспективами. Дочери воспитаны, выездные, при матери-стратге и отце-советнике. Какая, спрашивается, нужда отдавать старшую дочь архимагу с репутацией, при которой нормальный человек предпочтет обойти улицу стороной? Логика не складывалась. Если семья при деньгах, при связях и при двух других дочерях на выданье, то зачем понадобилось жертвовать Алисой в пользу мрачного мага с отдельной именной башней? Может, засиделась в девках? Мне неловко было думать об этом, учитывая, что Алиса по виду была явно моложе меня, но кто его знает, какие здесь стандарты. В средневековых обществах девушку двадцати трех лет вполне могли считать опасно близкой к категории «безнадежно». Хотя, с другой стороны, при такой внешности и таком папе-советнике, неужели никто не сватался?

— Йона, — сказала наконец, не выдержав внутреннего диалога с собственным любопытством, — а как вообще так вышло, что я... что мы оказались здесь? Ну, замужество, свадьба — это все, конечно, понятно, но как именно это случилось?

Йона остановила тараторить. Посмотрела на меня долго и внимательно, потом медленно произнесла:

— Госпожа. Вас точно бес не попутал?

— Йона...

— Вы спрашиваете, как вышли замуж за собственного мужа.

— Я спрашиваю для того, чтобы...

— Это от долгого сна? — она наклонила голову набок, как будто искренне пытается найти разумное объяснение тому, что разумным объяснениям не поддается.

— Йона, — процедила я, беря со стола салфетку и задумчиво взвешивая ее в руке, — я сейчас сделаю кое-что непедагогичное.

Салфетка полетела точно в рыжую голову. Йона пискнула, отскочила на шаг и прикрыла лицо ладонями больше от неожиданности, чем от реальной угрозы, потому что льняная салфетка, при всей моей меткости, страшным оружием не являлась.

— Отвечай на вопрос, — велела я.

Служанка опустила руки, посмотрела на меня и выдохнула.

— Хорошо! Это все король.

Я откинулась на спинку стула и жестом предложила продолжать. Дальнейшее, по мере того как Йона говорила — сначала осторожно, нащупывая слова, потом все увереннее, войдя во вкус пересказа, — складывалось в картину настолько абсурдную, что у меня начало нарастать подозрение: либо в этом королевстве с логикой серьезные проблемы, либо король просто большой оригинал.

Дело обстояло следующим образом: архимаг Люстер Фейр, будучи существом самодостаточным, к общественному мнению равнодушным и к придворным церемониям испытывавшим примерно такой же энтузиазм, как кошка к купанию, тем не менее существовал в том же королевстве, что и все прочие. А в королевстве, как выяснилось, люди умели складывать слухи из ничего с той скоростью и продуктивностью, с какой в другом месте складывают дрова. Про архимага слухи ходили — Йона произнесла это с подходящим случаю выражением лица — жуткие. Одни говорили, что он призывает темных духов и ведет с ними переписку. Другие — что в его лаборатории хранятся вещи, от одного перечисления которых почтенные горожане падают в обморок. Третьи утверждали, что он умеет убивать одним взглядом, хотя это, по всей видимости, было преувеличением, потому что иначе у него к этому моменту кончились бы собеседники. В общем, репутация у человека сложилась такая, что дети переставали плакать при его имени не потому что успокаивались, а потому что от страха забывали, зачем плакали. Крестьяне нервничали. Горожане тревожились. Придворные делали вид, что все в порядке, но при этом тревожились с удвоенной силой, просто в более дорогой одежде. И в какой-то момент это общественное напряжение дошло до трона и легло на стол к его величеству в виде петиций, донесений и просто нервных придворных, которые намекали, что что-то с этим надо делать. Его величество подумал, посоветался с советниками. Советники сказали что-то умное или то, что в данной системе координат считалось умным. В итоге было принято решение, которое в своей монументальной простоте граничило с гениальностью или с полной потерей здравомыслия, в зависимости от угла зрения: архимагу велели жениться. Не потому что архимаг был опасен. Во всяком случае, не только поэтому. А потому что, по высочайшему мнению, женатый человек немедленно приобретает в глазах народа оттенок безобидности. Женатый — значит домашний. Домашний — значит не такой страшный. У него жена, возможно скоро будут дети, он ест за общим столом и, наверное, иногда ворчит из-за дырявых носков, как обычные люди. Злодеи из готических легенд не ворчат из-за носков. Это всем известно. Значит все не так плохо, не нужно паниковать, король держит ситуацию под контролем, расходитесь по домам. Публичный образ, если говорить понятными мне словами. PR-кампания масштабом в одну свадьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.